

О концепции вины в составах преступлений против здоровья человека

Расторопов С. В.,

доктор юридических наук, профессор, профессор кафедры прокурорского надзора за соблюдением законов в оперативно-розыскной деятельности и участия прокурора в уголовном судопроизводстве Академии Генеральной прокуратуры РФ

Аннотация. В процессе расследования преступлений против здоровья человека в вину субъекта вменяется тот результат, который в действительности произошел от его действия. При этом с субъективной стороны требуется наличие осознания им возможности наступления, в частности, и того результата, который наступил. Действующий с неопределенным умыслом субъект представляет себе эту возможность, так сказать, в общих чертах, специально не выделяя в своем сознании из массы возможных результатов данный, наступивший в действительности результат. Такая сложная концепция умысла в преступлениях против здоровья человека нуждается в выработке специальных правил квалификации соответствующего рода посягательства.

Ключевые слова: преступления против здоровья человека, субъективная сторона, конкретизированный и неконкретизированный виды умысла, неосторожность.

Субъективная сторона преступлений против здоровья человека представляет значительную трудность для анализа, которая обуславливается рядом объективных обстоятельств, коренящихся в самой природе рассматриваемых преступлений. Однако это во все не освобождает от необходимости в каждом конкретном случае посягательства на здоровье человека устанавливать ее, как и другие элементы состава преступления.

В действующем УК РФ определена различная мера ответственности за преступления против здоровья человека, совершенные умышленно или по неосторожности. Более тяжкими среди рассматриваемых преступлений уголовный закон признает умышленные преступления против здоровья человека, что не вызывает сомнений в юридической литературе¹. К их числу УК РФ относит преступления, предусмотренные ст. ст. 11, 12, 13, ч. 1 ст. 14, ч. 2 ст. 14, ст. ст. 15, 17, ст. ст. 121 и чч. 2 и 3 ст. 122 УК РФ. Теоретически они, как и всякие другие умышленные преступления, могут совершаться с прямым или косвенным умыслом в отношении любого из указанных в УК РФ последствий — наступления тяжкого, средней тяжести или легкого вреда здоровью человека. На это обстоятельство обращают внимание авторы практически всех учебников по уголовному праву России², подтверждает правоприменительная практика³.

Применительно к прямому умыслу, с учетом положений ч. 2 ст. 25 УК РФ, это означает, что виновный, помимо того, что осознает общественно опасный характер своего деяния (действия или бездействия), при причинении того или иного вреда здоровью человека предвидит возможность или неизбежность наступления вполне конкретного результата содеянного (степени тяжести вреда здоровью человека) и желает его наступления.

Получается, что субъект, осуществляющий то или иное посягательство на здоровье другого человека, не только осознает характер причиняемого вреда здоровью, но и его объем, а также ряд других объективных обстоятельств со всеми вытекающими отсюда последствиями для уголовно-правовой оценки преступления. Тем самым виновный желает наступления причиняемого его действиями вреда лишь в том объеме, который им осознается.

Как представляется, подобное содержание элементов прямого умысла в преступлениях против здоровья человека имеет место лишь в ограниченном числе случаев. Как справедливо в свое время отмечал И. И. Карпец, «практически невозможно совершить умышленное тяжкое телесное повреждение с конкретизированным умыслом», так как в этом случае надо заранее соизмерить силу будущего удара, знать состояние здоровья будущей жертвы: умрет она от удара или выдержит его, «отделавшись» только тяжким телесным повреждением⁴. Во многом схожую позицию по данному вопросу занимала Н. Ф. Кузнецова, которая допускала причинение тяжкого вреда здоровью человека с конкретизированным

¹ Подробнее об этом см.: Расторопов С. В. Преступления против здоровья по УК РФ 1996 г. Домодедово: ВИПК МВД РФ, 2013. 143 с.

² См., напр.: Курс уголовного права: Учебник для вузов. Под ред. Г. Н. Борзенкова и В. С. Комиссарова. М., 2002. Т. 3. Особенная часть. С. 182.

³ См.: Судебная практика по уголовным делам: Тематический сборник / Под общ. ред. М. Ю. Тихомирова. М.: Тихомиров, 2012. С. 189.

⁴ См.: Карпец И. И. Преступность: иллюзии и реальность. М., 1992. С. 378.

(определенным) умыслом только в случае неизгладимого обезображения лица⁵, а также «при искалечении, т. е. при сознательном причинении вреда деятельности каким-либо определенным органам потерпевшего (органам зрения, речи, слуха, половым органам и т. п.)». В остальных же многочисленных вариантах и случаях совершения рассматриваемых преступлений содержание прямого умысла имеет весьма важную специфику.

Как отмечает Т. Г. Даурова, все дело в том, что «в большинстве случаев при причинении вреда здоровью человека умысел является прямым в том смысле, что субъект предвидит и желает наступления вредоносного результата, но этот умысел является неопределенным, так как он направлен на причинение вреда любой тяжести»⁶. Такое, если его можно так назвать, «сложное» представление о содержании прямого умысла при совершении преступлений против здоровья человека относительно давно сложилось в теории уголовного права России⁷.

Согласно концепции «неопределенного» умысла в вину субъекта вменяется тот результат, который в действительности произошел от его действия. При этом с субъективной стороны требуется наличие осознания субъектом возможности наступления, в частности, и того результата, который наступил. Действующий с неопределенным умыслом субъект представляет себе эту возможность, так сказать, в общих чертах, специально не выделяя в своем сознании из массы возможных результатов данный, наступивший в действительности результат.

В итоге, если субъект умышленно причиняет вред здоровью другого человека, не определяя заранее характера и степени причиняемого здоровью потерпевшего вреда, содеянное квалифицируется как умышленный тяжкий вред здоровью, умышленный вред средней тяжести или умышленный легкий вред здоровью человека в зависимости от тяжести в действительности причиненного и сознательно допускаящегося субъектом вреда⁸.

С теоретической точки зрения эта концепция, как представляется, вызывает довольно существенные возражения. В частности, затруднения при квалификации отдельных случаев на практике возникают в связи с необходимостью устанавливать действительную направленность умысла на совершение других, более тяжких преступлений, в частности убийства.

Следует заметить, что неопределенный умысел в преступлениях против здоровья человека — это не какой-либо самостоятельный вид умысла, а разновидность прямого умысла по его содержанию. Поэтому в рамках прямого умысла, по нашему мнению, следует различать прямой определенный умысел и прямой неопределенный умысел, так как это имеет большое практическое значение при квалификации рассматриваемых преступлений. Аналогичные суждения высказывали отечественные криминалисты⁹.

Мы не можем согласиться с мнением И. Самолюка, который считал, что концепция определенного и неопределенного умысла «уводит в сторону от тщательного анализа субъективных признаков деяния, от необходимости точного определения умысла ... Указанная ошибочная концепция может привести даже к объективному вменению»¹⁰. Напротив, практические органы, в том числе и суды, делают все возможное для установления истинной направленности умысла виновного и лишь достоверно убедившись в том, что в предвидении виновного не конкретизировались те или иные последствия, говорят об умисле неопределенном¹¹.

Следует заметить, что в юридической литературе некоторые ученые в зависимости от предвидения виновным вредных последствий своего деяния в преступлениях против здоровья человека прямой умысел классифицировали как конкретизированный и неконкретизированный¹². Полагаем, что это только различие в терминологии, но не по существу.

Надо сказать, что при практическом разграничении преступлений против здоровья человека по тяжести причиненного или возможного вреда, по общему правилу, нет необходимости точно устанавливать направленность умысла виновного, так как обычно для ответственности бывает достаточно того, что субъект действует в этих случаях с неопределенным умыслом. Вместе с тем неопределенный характер умысла субъекта не исключает, как представляется, целесообразности изучения в этих случаях субъективной стороны преступления с учетом способа, орудий, средств и т. п., так как все эти обстоятельства могут иметь значение при выборе меры наказания.

Установление действительной направленности умысла с учетом указанных объективных

⁵ Подробнее об этом см.: Расторопов С. В. Указ. соч.

⁶ См.: Даурова Т. Г. Уголовная ответственность за легкие телесные повреждения. Саратов, 1980. С. 83.

⁷ См.: Дубовец П. А. Ответственность за телесные повреждения по советскому уголовному праву. М., 1964. С. 35–36; Жордания И. Квалификация телесных повреждений. // Соц. законность. 1974. № 11. С. 13.

⁸ См.: Загородников Н. И. Преступления против здоровья. М., 1969. С. 25–30.

⁹ См.: Рагоз А. И. Субъективная сторона и квалификация преступлений. М., 2001. С. 41–42.

¹⁰ См.: Самолук И. Об умисле при телесных повреждениях // Советская юстиция. 1966. № 13. С. 17.

¹¹ См.: Мадьярова А. В. Разъяснения Верховного суда Российской Федерации в механизме уголовно-правового регулирования. СПб., 2002. С. 327.

¹² См.: Мишунин П. Г. Ответственность за умышленное тяжкое телесное повреждение по советскому уголовному законодательству // Советское государство и право. 1956. № 1. С. 95.

обстоятельств является обязательным в лишь тех случаях, когда она свидетельствует об объекте совершенного преступления. Мы имеем в виду случаи разграничения убийства и умышленного причинения тяжкого вреда здоровью человека, повлекшего по неосторожности смерть потерпевшего, и случаи разграничения умышленного причинения легкого вреда здоровью и побоев. В указанных случаях правильное установление умысла виновного позволяет дифференцировать уголовную ответственность, с одной стороны, за посягательство на общественные отношения, обеспечивающие жизнь человека, и общественные отношения, обеспечивающие здоровье человека, а с другой — выявляет различие в правовой оценке при посягательстве на общественные отношения, обеспечивающие здоровье человека, и общественные отношения, обеспечивающие телесную неприкосновенность. Важность подобного обстоятельства при квалификации преступлений против личности не вызывает сомнений среди отечественных ученых¹³.

Суммируя сказанное относительно прямого умысла в преступлениях против здоровья человека, представляется целесообразным предложить правила квалификации соответствующих преступлений по субъективной стороне, с тем чтобы показать свое видение проблемы по столь дискуссионному вопросу.

Как представляется, при направленности умысла на причинение определенного по своей тяжести вреда здоровью человека, то есть при прямом определенном (конкретизированном) умысле ответственность наступает за тот вред здоровью, на причинение которого был направлен умысел, если такой вред в действительности был причинен, или же за покушение на этот вред здоровью, если в действительности было причинен вред здоровью меньшей тяжести или вообще не было причинено никакого вреда здоровью человека.

При этом на наличие направленности умысла могут указывать как моменты субъективного характера (признание обвиняемого, показания свидетелей), так и объективные моменты — характер причиняемых при совершении рассматриваемых преступлений орудий и средств, способов их применения, количество ударов, важность пораженного органа и т. п. Как показывает практика, подобные ситуации в целом правильно рассматриваются судами различной инстанции¹⁴.

¹³ См., напр.: Портнов И. Ответственность за истязание // Социалистическая законность. 1983. № 7. С. 46–47; Сердюк Л. Разграничение тяжкого телесного повреждения и убийства // Советская юстиция. 1984. № 7. С. 19–20; Ткаченко В. И. Насилие, опасное и неопасное для жизни и здоровья как уголовно-правовая категория // Государство и право. 1992. № 12. С. 79–82.

¹⁴ Уголовные дела соответствующей категории, как и вообще судебная практика по делам о преступлениях

Наиболее сложным и до сих пор окончательно не решенным ни в теории уголовного права, ни на практике является вопрос о квалификации преступления, совершенного с неопределенным (неконкретизированным) умыслом. Многие отечественные криминалисты считали, что при неопределенном умысле деяние должно быть квалифицировано в соответствии с фактически наступившими последствиями. Однако такая позиция, с нашей точки зрения, нуждается в уточнении.

По нашему мнению, если предвидением лица, совершающего преступное деяние, охватывается возможность причинения потерпевшему вреда здоровью различной тяжести, то действительная степень общественной опасности и содеянного определяется наиболее тяжким из всех объективно возможных и предвидимых субъектом последствий. Однако в таких случаях имеет место совершение преступления не с неопределенным (неконкретизированным), а с определенным (конкретизированным) альтернативным умыслом, при котором лицо предвидит два или более точно определенных в его представлении последствий.

Иначе говоря, в случаях причинения вреда здоровью человека с прямым умыслом, когда по тем или иным причинам, не зависящим от воли виновного, не наступили наиболее тяжкие из предвиденных и желаемых им последствий, его действия должны быть квалифицированы как покушение на причинение именно этих, самых тяжких из входящих в преступные намерения виновного, повреждений здоровья человека. Особое значение это положение приобретает в тех случаях, когда преступное деяние в силу тех или иных обстоятельств вообще не повлекло за собой вредных последствий: к примеру, когда умыслом виновного охватывалось альтернативно отсечение кисти руки или только пальца, но не удалось реализовать ни того, ни другого.

Наряду с этим нельзя забывать, что даже фактическое наступление последствий не всегда является доказательством умысла в отношении их причинения. И неконкретизированный умысел имеет свой объем, свои пределы, установлению которых необходимо уделять самое серьезное внимание.

Очевидный результат посягательства, зафиксированный в заключении судмедэкспертизы, может считаться причиненным умышленно только в том случае, когда будет доказано, что среди возможных последствий преступного деяния, наступление которых виновный предвидел

против здоровья человека, подробно проанализирована в теоретической литературе. См., напр.: Викторов И. С. Уголовно-правовая ответственность за распространение венерических заболеваний. Саратов, 1980. С. 31–39; Судебная практика по уголовным делам: Тематический сборник. Сост. О. М. Оглоблина. М., 2001. 503 с.

и желал, было и фактически наступившее последствие. Все же остальные последствия причинения вреда здоровью человека могут быть квалифицированы только как причиненные по неосторожности.

Анализируя косвенный умысел в преступлениях против здоровья человека, заметим, что его содержание во многом схоже по интеллектуальному моменту с прямым умыслом, однако существенно различается по волевому моменту. Так, с учетом ч. 3 ст. 25 УК РФ, виновный осознает общественно опасный характер своих действий, предвидит возможность причинения вреда здоровью человека, не желает, но сознательно допускает или безразлично относится к его наступлению. При этом содержание умысла всегда является неопределенным (неконкретизированным), так как воля субъекта направляется не на причинение конкретного вида вреда здоровью человека, а на достижение других целей. Вред здоровью, причиненный фактически, осознается субъектом как один из возможных результатов.

В этой связи, как представляется, уголовная ответственность за причинение вреда здоровью человека с косвенным умыслом должна определяться по фактически причиненному вреду, независимо от конкретизированности умысла, поскольку ответственности за приготовление и покушение с косвенным умыслом не может быть¹⁵. Эту позицию занимает и судебная практика¹⁶.

Заметим, что среди преступлений против здоровья человека с косвенным умыслом могут быть совершены преступления, предусмотренные ст. ст. 111, 112, 113, ч. 1 ст. 114, ч. 2 ст. 114, ст. ст. 115, 121, чч. 2–4 ст. 122 УК РФ. В отличие от перечня рассматриваемых преступлений, которые могут быть совершены с прямым умыслом, в вышеприведенном нет только состава истязания (ст. 117 УК РФ), который в силу наличия специальных целей — причинения физических или психических страданий — может быть совершен только при наличии прямого умысла.

К сказанному следует добавить, что, согласно результатам проведенного нами исследования, среди преступлений против здоровья человека наиболее часто с косвенным умыслом совершаются два преступления — заражение венерической болезнью (ст. 121 УК РФ) и заражение ВИЧ-инфекцией (чч. 2–3 УК РФ). Отдельные авторы даже утверждают, что совершение этих

преступлений с прямым умыслом невозможно вообще, а при установлении прямого умысла виновного на заражение венерической болезнью или ВИЧ-инфекцией содеянное должно квалифицироваться как умышленное причинение вреда здоровью человека той или иной степени тяжести, поскольку заражение в этом случае выступает способом умышленного причинения вреда здоровью человека¹⁷.

Данная точка зрения вряд ли является безупречной, поскольку законодатель специально выделил заражение венерической болезнью и ВИЧ-инфекцией в специальные составы, рассматривая в качестве самостоятельных преступлений против здоровья человека, которые, как отмечается в юридической литературе, могут быть совершены при различном (включая прямой умысел) психическом отношении виновного к содеянному¹⁸.

Вместе с тем, по нашему мнению, видимо, следует признать то обстоятельство, что если результатом умышленного заражения венерической болезнью явилось причинение тяжкого вреда здоровью человека, например прерывание беременности (при условии предвидения, желания либо сознательного допущения виновным такого последствия), то содеянное должно квалифицироваться по совокупности ст. ст. 121 и 111 УК РФ, поскольку заражение венерической болезнью в данном случае сопровождается наличием одного из признаков тяжкого вреда здоровью человека, указанного в ч. 1 ст. 111 УК РФ.

Свидетельством того, что заражение венерической болезнью не охватывает умышленное причинение тяжкого вреда здоровью человека, служит также сопоставление максимальных пределов санкций вышеуказанных статей. По ст. 121 УК РФ максимальный вид и размер наказания установлен в виде штрафа до 200 тыс. руб., либо обязательных работ на срок до 480 часов, либо исправительных работ на срок до двух лет, либо ареста на срок до шести месяцев, в то время как соответствующий аналогичный показатель применительно к ст. 111 УК РФ находится на уровне до восьми лет лишения свободы, не беря в расчет квалифицированные составы рассматриваемых преступлений, где картина равным образом ничем не отличается. Поэтому отказ в данном случае от идеальной совокупности преступлений — ст. ст. 121 и 111 УК РФ — является, по нашему мнению, необоснованным смягчением наказания лицам, виновным в совершении

¹⁵ См.: Колодкин А. Н. Стадии совершения преступлений и предупреждение преступлений. Киев, 1972. С. 25.

¹⁶ См., напр.: Бюллетень Верховного Суда СССР. 1960. № 5. С. 37 // Судебная практика к Уголовному кодексу Российской Федерации / Сост. С. В. Бородин, А. И. Трусова. Под общ. ред. В. М. Лебедева. М., 2001. С. 541–543; Судебная практика по уголовным делам: Тематический сборник. С. 208–209.

¹⁷ См.: Курс советского уголовного права. М., 1971. Т. V. С. 125; Советское уголовное право. Часть Особенная. М., 1964. С. 153; Советское уголовное право. Особенная часть. М., 1971. С. 173; Уголовное право БССР. Часть Особенная. Минск, 1971. С. 132; Научно-практический комментарий к УК Украинской ССР. Киев, 1969. С. 265.

¹⁸ Подробнее об этом см.: Викторов И. С. Указ. соч. С. 31–33.

подобного рода преступлений. Аналогичным образом и в силу тех же причин, думается, должен решаться вопрос об уголовно-правовой оценке заражения венерической болезнью, повлекшей причинение вреда здоровью человека средней тяжести.

В заключение отметим, что ни в одном из изученных нами уголовных дел о заражение венерической болезнью деяние не повлекло причинения потерпевшему средней тяжести или тяжкого вреда здоровью. Это, однако, не снимает остроты и дискуссионности вышерассмотренной проблемы, решение которой (как и многих других проблем квалификации преступлений против здоровья человека) в целях единообразного применения уголовного закона следует провести на уровне постановления Пленума Верховного Суда РФ, подготовленного по итогам детального анализа соответствующей категории преступлений. Добавим, что подобного обзора судебной практики по делам о преступлениях против здоровья человека не было в Российской Федерации с 60-х годов XX столетия, т. е. почти полвека.

Характеризуя субъективную сторону преступлений против здоровья человека, конкретно — вину, следует заметить, что некоторые из рассматриваемых преступлений могут быть совершены по неосторожности. Речь, в частности, идет о преступлениях, предусмотренных ст. 118, ч. 4 ст. 122, ч. 3 ст. 123 и ст. 124 УК РФ.

Содержание элементов преступного легкомыслия и преступной небрежности, а также различное психическое отношение виновного при совершении преступлений против здоровья человека к деянию (в форме умысла) и его последствиям (в форме неосторожности) достаточно подробно описаны в юридической литературе¹⁹, поэтому, как представляется, нет никакой необходимости возвращаться к этому вновь. Отметим лишь тот факт, что мы полностью поддерживаем сложившуюся в теории уголовного права квалификацию указанных преступлений в итоге по последствиям как неосторожных, несмотря на умышленный характер самого деяния, поскольку именно степень причиненного вреда здоровью человека (последствием) в конечном итоге определяется общественная опасность рассматриваемых преступлений²⁰. Надо сказать, что такое понимание субъективной стороны неосторожных преступлений против здоровья человека

разделяется и практикой²¹. В итоге совершенно справедливо рассматриваемые преступления законодателем признаются на порядок менее общественно опасными, чем аналогичные посяательства, совершенные умышленно.

Отдельной проблемой в рамках субъективной стороны преступлений против здоровья человека является так называемая двойная (смешанная, сложная²²) форма вины в составе умышленного причинения тяжкого вреда здоровью, повлекшего по неосторожности смерть потерпевшего (ч. 4 ст. 111 УК РФ). Данная норма как бы объединяет в себе два самостоятельных преступления, одно из которых является умышленным, а другое — неосторожным, причем оба могут существовать самостоятельно, но в сочетании друг с другом образуют качественно иное преступление со специфическим субъективным содержанием.

На наш взгляд, проблема двойной формы вины применительно, в частности, к преступлениям против здоровья человека является в определенной степени надуманной и искаженной по существу. Все дело в том, что, как справедливо отмечает А. И. Рагог, в последнее время в отечественной юридической литературе наблюдается «возврат к чрезмерно широкой трактовке двойной формы вины, которая была подвергнута жесткой и весьма аргументированной критике» в работах А. Б. Сахарова, Н. Ф. Кузнецовой, Г. Кригера и других ученых еще в середине 60-х гг. прошлого века. «На самом деле, подчеркивает ученый, — речь идет вовсе не о неоднородности отношения к совершаемому действию (бездействию) и его общественно опасным последствиям как равноправным признакам объективной стороны преступления, а о различном психическом отношении к разным юридически значимым объективным признакам, один из которых является обязательным признаком основного состава преступления, а второй — квалифицирующим последствием»²³. Такое понимание сущности двойной формы вины, как представляется, снимет с повестки дня обозначенную проблему, переведя ее в разряд естественных вопросов догмы Общей части уголовного права.

Пока же данную конструкцию субъективной стороны преступления, предусмотренного ч. 4 ст. 111 УК РФ, отдельные авторы пытаются

¹⁹ См.: Загородников Н. И. Указ. соч. С. 26–28; Дубовец П. А. Указ. соч. С. 41–43; Квашис В. Е., Махмудов Ш. Д. Ответственность за неосторожность. Душанбе, 1975. 106 с.; Дагель П. С. Неосторожность. Уголовно-правовые и криминологические проблемы. М., 1977. 158 с.; Нерсесян В. А. Ответственность за неосторожные преступления. СПб., 2002. 223 с.

²⁰ См.: Загородников Н. И. Указ. соч. С. 26.

²¹ См.: Рагог А. И. Квалификация преступлений по субъективным признакам. СПб., 2003. С. 109.

²² Указанные термины являются неудачными, поскольку, во-первых, ни о каком смешении вины речь не идет — напротив, психическое отношение к деянию, первичному и вторичному последствиям является сугубо предметным, во-вторых, никакой особой сложности конструкции, по сравнению с умыслом и неосторожностью, нет, так как содержание так называемой двойной формы вины состоит из умысла и неосторожности.

²³ См.: Рагог А. И. Указ. соч. С. 130–131.

называть третьей формой вины²⁴, что не выдерживает критики с позиций законодателя²⁵, который и сам, надо сказать, искажил истинное содержание двойной формы вины в ст. 27 УК РФ, предложив два ее варианта:

1) неодинаковое психическое отношение к двум разным последствиям, предусмотренным статьей Особенной части УК РФ, а также

2) к деянию, с одной стороны, и последствию, предусмотренному статьей Особенной части УК в качестве квалифицирующего признака, — с другой²⁶. Как представляется, лишь первый вариант конструкции двойной формы вины при его унификации в масштабах Особенной части УК РФ может сыграть положительную роль в единообразном понимании столь сложного правового феномена.

К субъективной стороне преступлений против здоровья человека относятся также мотив и цель совершения преступления. Под мотивом мы понимаем то, что побуждает человека к действию, а под целью — то, чего человек стремится достигнуть в результате этих действий. Схожие определения предлагают различные ученые²⁷.

Как показало проведенное исследование, при совершении преступлений против здоровья человека виновный может руководствоваться различными мотивами: мстостью, ревностью, личными неприязненными отношениями, корыстью и др. Однако все они, за исключением трех — из хулиганских побуждений, а также по мотивам политической, идеологической, расовой, национальной или религиозной ненависти или вражды либо по мотивам ненависти или вражды в отношении какой-либо социальной группы, — не влияют на квалификацию содеянного, так как специально не указаны в диспозициях соответствующих статей Особенной части УК РФ и, стало быть, не являются обязательными признаками субъективной стороны основных составов рассматриваемых преступлений.

О содержании и особенностях квалификации при совершении преступлений против здоровья человека из хулиганских побуждений, а также по мотивам политической, идеологической, расовой, национальной или религиозной нена-

висти или вражды либо по мотивам ненависти или вражды в отношении какой-либо социальной группы — обязательные признаки субъективной стороны состава преступлений против здоровья человека — нами будет подготовлена отдельная публикация. Пока же, в целом характеризуя уголовно-правовое значение мотивов совершения преступлений против здоровья, отметим, что в большинстве своем они, во-первых, учитываются судом при назначении наказания виновному, а во-вторых, принимаются во внимание при разработке профилактических мер, направленных на борьбу с вышеуказанными преступлениями.

Примерно то же самое можно сказать и о целях преступлений против здоровья человека, с той лишь разницей, что при совершении преступлений против здоровья с прямым умыслом виновный обычно ставит себе цели двух различных порядков: общую и специальную. Общая цель, как отмечается в юридической литературе, обычно сводится к причинению вреда здоровью потерпевшего, а специальная может иметь различные модификации: избежать задержания, облегчить совершение другого преступления и т. д.

Надо сказать, что УК РФ не подразделяет основные составы преступлений против здоровья человека на более опасные или менее опасные виды в зависимости от специальных целей, поэтому наличие той или иной специальной цели при совершении рассматриваемых преступлений не может иметь квалифицирующего значения, а учитывается только при определении меры наказания.

Таким образом, правильное и точное установление мотивов и цели преступлений против здоровья человека имеет важное значение для полного раскрытия субъективной стороны рассматриваемых преступлений, от правильного установления которой зависит и правильность квалификации содеянного в целом.

Список литературы

1. Борзенков Г. Н. Преступления против жизни и здоровья: закон и правоприменительная практика. М.: Зерцало-М, 2009.
2. Бюллетень Верховного Суда СССР. 1960. № 5. С. 37 // Судебная практика к Уголовному кодексу Российской Федерации / Сост. С. В. Бородин, А. И. Трусова. Под общ. ред. В. М. Лебедева. М., 2001.
3. Викторов И. С. Уголовно-правовая ответственность за распространение венерических заболеваний. Саратов, 1980.
4. Волков Б. С. Мотивы преступлений (Уголовно-правовое и социально-психологическое исследование). Казань, 1982.
5. Волков Б. С. Проблема воли и уголовная ответственность. М., 1965.
6. Гаухман Л. Д. Квалификация преступлений: закон, теория, практика. 2-е изд., перераб. и дополн. М., 2003.
7. Дагель П. С. Неосторожность. Уголовно-правовые и криминологические проблемы. М., 1977.
8. Даурова Т. Г. Уголовная ответственность за легкие телесные повреждения. Саратов, 1980.

²⁴ См.: Ширяев В. А. «Раздвоенная» форма вины как уголовно-правовая категория. Автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М., 1998; Российское уголовное право: курс лекций. Под ред. А. И. Коробеева. Владивосток, 2000. Т. 1. С. 423–428 (автор главы — Р. И. Михеев).

²⁵ В УК РФ предусмотрены две формы вины: в ст. 25 и 26.

²⁶ См: Гаухман Л. Д. Квалификация преступлений: закон, теория, практика. 2-е изд., перераб. и дополн. М., 2003. С. 162–163.

²⁷ См.: Волков Б. С. Проблема воли и уголовная ответственность. М., 1965. С. 49–102; Волков Б. С. Мотивы преступлений (Уголовно-правовое и социально-психологическое исследование). Казань, 1982. С. 5–13; Лунеев В. В. Субъективное вменение. М., 2000. С. 59–63; Парог А. И. Указ. соч. С. 139, 149; Гаухман Л. Д. Указ. соч. С. 164–165.

9. Дубовец П. А. Ответственность за телесные повреждения по советскому уголовному праву. М., 1964.
10. Жордания И. Квалификация телесных повреждений // Социалистическая законность. 1974. № 11. С. 13.
11. Загородников Н. И. Преступления против здоровья. М., 1969.
12. Карпец И. И. Преступность: иллюзии и реальность. М., 1992.
13. Квашиш В. Е., Махмудов Ш. Д. Ответственность за неосторожность. Душанбе, 1975.
14. Колодкин А. Н. Стадии совершения преступлений и предупреждение преступлений. Киев, 1972.
15. Кузнецова Н. Ф. Ответственность за приготовление к преступлению и покушение на преступление по советскому уголовному праву. М., 1958.
16. Курс советского уголовного права. М., 1971. Т. V.
17. Лунеев В. В. Субъективное вменение. М., 2000.
18. Мадьярова А. В. Разъяснения Верховного суда Российской Федерации в механизме уголовно-правового регулирования. СПб., 2002.
19. Мишуниш П. Г. Ответственность за умышленное тяжкое телесное повреждение по советскому уголовному законодательству // Советское государство и право. 1956. № 1. С. 95.
20. Научно-практический комментарий к УК Украинской ССР. Киев, 1969.
21. Нерсесян В. А. Ответственность за неосторожные преступления. СПб., 2002.
22. Портнов И. Ответственность за истязание // Социалистическая законность. 1983. № 7. С. 46–47.
23. Рарог А. И. Квалификация преступлений по субъективным признакам. СПб., 2003.
24. Рарог А. И. Субъективная сторона и квалификация преступлений. М., 2001.
25. Расторопов С. В. Преступления против здоровья по УК РФ 1996 г. Домодедово: ВИПК МВД РФ, 2013.
26. Расторопов С. В. Уголовно-правовая охрана здоровья человека от преступных посягательств. 2-е изд., перераб. и доп. СПб.: Юридический Центр-Пресс, 2006.
27. Романовский Г. Б. Модернизация медицинского права: формирование отрасли права или законодательства? // Российский журнал правовых исследований. 2014. № 4 (1). С. 92–96.
28. Российское уголовное право: курс лекций / Под ред. А. И. Коробеева. Владивосток, 2000. Т. 1. С. 423–428 (автор главы — Р. И. Михеев).
29. Самолук И. Об умысле при телесных повреждениях. // Советская юстиция. 1966. № 13. С. 17.
30. Сердюк Л. Разграничение тяжкого телесного повреждения и убийства // Советская юстиция. 1984. № 7. С. 19–20.
31. Советское уголовное право. Особенная часть. М., 1971.
32. Советское уголовное право. Часть Особенная. М., 1964.
33. Судебная практика по уголовным делам: Тематический сборник / Под общ. ред. М. Ю. Тихомирова. М.: Тихомиров, 2012.
34. Судебная практика по уголовным делам: Тематический сборник. Сост. О. М. Оглоблина. М., 2001.
35. Ткаченко В. И. Насилие, опасное и неопасное для жизни и здоровья, как уголовно-правовая категория // Государство и право. 1992. № 12. С. 79–82.
36. Уголовное право БССР. Часть Особенная. Минск, 1971.
37. Уголовное право России. Особенная часть: учебник / Под ред. И. Э. Звечаровского. М.: Норма: ИНФРА-М, 2010.
38. Ширияев В. А. «Раздвоенная» форма вины как уголовно-правовая категория: Автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М., 1998.

About the concept of fault in the composition crimes against human health

Rastoropov S. V.,

Doctor of Law, Professor, Professor of the Department of prosecutorial supervision over the observance of laws in the OSA and the participation of the prosecutor in the criminal trial of the Academy of the Prosecutor General of the Russian Federation

Abstract: *In the process of investigating crimes against health the Rights accused the entity charged with the result that a truly-stemmed from his actions. At the same time with the subjective side of the knowledge required them to advance, in particular, and the result which came. Acting with undetermined intent, the subject is himself of this opportunity, as it were, in general, not specifically singling out in your mind from the weight of the possible results of this occurred as a result of reality. Such a complex concept of intent for crimes against human health needs to develop special rules qualifications of the kind of abuse.*

Keywords: *crimes against human health, subjective side, specify and non-specific types of intent, carelessness*

References:

1. Borzenkov G. N. Crimes against life and health: the law and practice. М.: Mirror M-2009.
2. Bulletin of the Supreme Court of the USSR. 1960, № 5. Pp. 37: The jurisprudence of the Criminal Code of the Russian Federation. / Comp. S. V. Borodin, A. I. Trusova. Under the total. Ed. V. M. Lebedeva. М., 2001.
3. I.S. Viktorov Criminal liability for the spread of sexually transmitted diseases. Saratov, 1980.
4. Volkov B. S. Motives of crimes (criminal and sotsialnopsihologicheskoe research). Kazan, 1982.
5. Volkov B. S. The problem of will and criminal liability. М., 1965.
6. L. D. Gaukhman Qualification of crimes: the law, theory, practice. 2nd ed., Rev. and supplemented. М., 2003.
7. P. S. Dagal Carelessness. Criminally-legal and criminological problems. М., 1977.
8. Daurova T. G. Criminal liability for minor injuries PWA-erate. Saratov, 1980.
9. Dubovets P. A. Liability for injuries on the Soviet criminal law. М., 1964.
10. Qualifications I. Jordania injuries. // Socialist legality. 1974, № 11. P. 13.
11. Zagorodnikov N. I. Crimes against public health. Moscow, 1969.

12. Karpets II Crime: Illusions and Reality. M., 1992.
13. Kvashis V. E. Mahmoud Sh.D. Liability for negligence. Dushanbe, 1975.
14. A. N. Kolodkin Stages of crime and crime prevention. Kyiv, 1972.
15. Kuznetsova N. F. Responsibility for the preparation of a crime and attempted crime on the Soviet criminal law. M., 1958.
16. Rate of the Soviet penal law. T. V. M., 1971.
17. V. V. Luneev Subjective imputation. Moscow, 2000.
18. A. V. Madjarova Explanations of the Supreme Court of the Russian Federation in the mechanism of legal regulation. SPb., 2002.
19. P. G. Mishunin Liability for intentional grievous bodily harm on the Soviet criminal law. // *Owls. State and Law.* 1956, № 1. P. 95.
20. Scientific-practical commentary to the Criminal Code of the Ukrainian SSR. Kyiv, 1969.
21. V. A. Nersesyan Responsibility for the crimes of negligence. SPb., 2002.
22. I. Portnow responsible for torture. // *Socialist legality.* 1983, № 7. Pp. 46–47.
23. A. I. Rarog Qualification of crimes on subjective grounds. SPb., 2003.
24. A. I. Rarog The subjective side of crime and qualifications. M., 2001.
25. Rastoropov S. V. Crimes against health of the Criminal Code in 1996 Domodedovo VIPK Interior Ministry, 2013.
26. Rastoropov S. V. Criminal legal protection of human health from criminal attacks. 2nd ed., Rev. and add. SPb.: Legal Center Press, 2006.
27. Romanovsky G. B. Modernization of medical law: the formation of a branch of law or the law? // *Russian Journal of Legal Studies.* 2014. №4 (1). Pp. 92–96.
28. Russian criminal law. Lecture course. Ed. A. I. Korobeeva. T. 1. Vladivostok, 2000, Pp. 423–428 (the author of head — R. I. Miheev).
29. I. On Samolyuk intent when injuries. // *The Soviet justice.* 1966, № 13. P. 17.
30. L. Serdyuk Differentiation grievous bodily harm and murder. // *The Soviet justice.* 1984, № 7. Pp. 19–20.
31. Soviet criminal law. The special part. M., 1971.
32. Soviet criminal law. Some feature. M., 1964.
33. Judicial practice in criminal cases. Thematic collection / Under total. Ed. M. Y. Tikhomirov. M.: Tikhomirov, 2012.
34. Judicial practice in criminal cases. Thematic collection. Comp. OM Ogloblina. M., 2001.
35. Tkachenko V. I. Violence, dangerous and non-dangerous to life and health as a criminally-legal category. // *State and right.* 1992, № 12. Pp. 79–82.
36. The Criminal Law of the BSSR. Some feature. Minsk, 1971.
37. The criminal law of Russia. Special Part: Textbook / Ed. I. E. Zvecharovskogo. Norma M.: INFRA-M, 2010.
38. Shiryayev VA “Doubled” form of fault as a criminally-legal category. Author. Dis. ... Cand. jurid. Sciences. M., 1998.